

- А-Цзю, ты готов?

Когда Цинь Ся вошел в комнату, Юй Цзюцюэ как раз закончил причесываться перед зеркалом. Услышав голос мужа, он поднял голову и, прихватив пальцами выбившийся локон, аккуратно пригладил его к виску.

- Готов. Деньги тоже собрал. Посмотри, хватит ли?

Но Цинь Ся, вместо того чтобы сразу взглянуть на кошелек с медяками, задержал взгляд на Юй Цзюцюэ. Сегодня он уложил волосы иначе, чем обычно, и это вызвало у Цинь Ся невольное восхищение.

Почувствовав его пристальный взгляд, Юй Цзюцюэ смущенно поправил серебряную шпильку, украшавшую прическу:

- На днях на улице увидел, как кто-то завязывал волосы вот так, решил попробовать. Это... не странно выглядит?

- Почему странно? Очень красиво, — искренне ответил Цинь Ся, чем вызвал легкий румянец на щеках Юй Цзюцюэ.

Вернувшись к столу, Цинь Ся взял в руки кошель с деньгами и, немного взвесив его в ладони, задумчиво добавил:

- Давай добавим еще. Лучше пусть будет больше, чем меньше.

Два дня назад в их домашнюю копилку уже невозможно было добавить деньги — она просто переполнилась. Даже при том, что Цинь Ся всегда откладывал поход в обменную лавку, на этот раз отложить не удалось. Поэтому в свободное утро они с Юй Цзюцюэ вынесли накопленные деньги — около десятка связок медяков — и обменяли их в лавке на восемнадцать лян серебра: два слитка по пять лян и восемь лян мелким серебром.

Слитки они оставили нетронутыми, а в кошельке оказалось лишь немного мелочи.

- Добавь еще немного, — сказал Цинь Ся, глядя на серебро. — На праздники лучше перестраховаться.

Сегодня был двадцать третий день двенадцатого месяца — так называемый «малый Новый год» на севере. Считалось, что именно с этого дня начинается период «□□», то есть «праздничных хлопот».

Цинь Ся решил дать своему ларьку выходной, заранее предупредив Чжэн Синьхуа, что ей тоже

можно не приходить. Он планировал провести день вместе с Юй Цзюцюэ, покупая все необходимое для Нового года.

Несмотря на то, что они копили деньги для открытия своей закусочной, праздник все равно должен быть ярким и радостным.

Юй Цзюцюэ, услышав слова Цинь Ся, внутренне засомневался. По его мнению, отложенного вполне хватало на любые покупки. Однако спорить он не стал. Открыв копилку, он достал еще две мелкие серебряные монеты.

- А если добавить это?

Цинь Ся бегло взглянул, но оценить на глаз не смог. Он взял весы и взвесил все вместе. Оказалось ровно пять лян.

- Теперь точно хватит, — с довольной улыбкой произнес Цинь Ся, убирая кошель в подкладку одежды.

Они оба тепло оделись, взяли с собой корзину и плетеный ящик, и, поддерживая друг друга, вышли в утренний морозный воздух.

- Сладкие тыквы! Тан-гуа! Карамельные тыквы продаю! — разносился звонкий крик торговца на улице.

Праздничная суета началась.

На улице раздавались крики торговцев, предлагавших Тан-гуа (мальтозные тыквы).

Малый Новый год, или Сяо-нянь, был не только началом предпраздничной суеты, но и днем жертвоприношений богу очага — Цзао-вану. Сахарные тыквы считались обязательным подношением, и даже те, кто обычно не торговал сладостями, закупали их, чтобы заработать несколько лишних монет.

Юй Цзюцюэ с любопытством смотрел на белоснежные карамельные тыковки, горками выложенные на прилавках.

- Муж, нам стоит купить немного?

- Не торопись, — ответил Цинь Ся. — Еду неудобно носить. Лучше сначала заглянем в магазины.

С этими словами он повел Юй Цзюцюэ в сторону одной из оживленных торговых точек. Это оказался магазин тканей, судя по людскому потоку — весьма популярный.

- Господа, вы за новой тканью или готовой одеждой? У нас отличный выбор, все привезено с юга. Проходите, посмотрите!

Магазин тканей, работающий круглый год, в преддверии Нового года превращался в центр праздничной торговли. Люди, накопившие немного денег за год, стремились купить хотя бы пару отрезков новой ткани, чтобы сшить одежду, даже если это была самая простая материя.

Юй Цзюцюэ впервые оказался в таком месте. Сжимая свою корзинку, он оглядывался вокруг, пытаясь все разглядеть. Обстановка магазина была не слишком роскошной, но это компенсировалось множеством аккуратно разложенных рулонов тканей: от дешевых льняных до дорогих шелков и парчи. Все это занимало ряды стеллажей, создавая ощущение изобилия. На стенах висели готовые костюмы — изящные и явно недешевые.

- Мы хотим купить две ватные куртки и немного ткани, — заявил Цинь Ся, чем сразу вызвал радость у обслуживающего их работника.

- Прекрасный выбор! Наши ватные куртки лучшие: плотно набиты качественным хлопком, стежки крепкие, ничего не выбивается.

Служащий повел их к рядам с одеждой. Юй Цзюцюэ тихонько дернул Цинь Ся за рукав.

- Мне не нужна новая куртка, моя вполне в порядке, — прошептал он.

Цинь Ся покачал головой:

- Какое там в порядке? Эта куртка — старая вещь моей... моей матери. Пусть она и в хорошем состоянии, но хлопок уже вытерся и плохо держит тепло. На Новый год надо надеть что-то новое. Я давно решил, что каждому из нас нужна новая куртка.

Юй Цзюцюэ все еще сомневался:

- Может, тогда купим ткань и хлопок, а сами сошьем? Это будет дешевле.

Цинь Ся усмехнулся:

- Ты умеешь шить?

Юй Цзюцюэ замялся, почесал нос и пробормотал:

- Я могу научиться.

Цинь Ся мягко приобнял его за плечо.

- Не обязательно. Шить — это сложно и утомительно для глаз и рук. Мы можем позволить себе готовую одежду.

Тем временем служащий уже достал несколько ватных курток для их выбора. Материал был плотным, качественным, хорошо защищал от ветра и износа. Цветовая гамма, правда, не оставляла выбора: стандартные синие и серые тона. Яркие краски, хоть и привлекательные, были непрактичными. Ватные куртки нельзя было часто стирать, а яркая одежда пачкалась быстрее.

Цинь Ся безразлично указал на простую синюю куртку. Но Юй Цзюцюэ оказался не таким уступчивым. Ему хотелось найти что-то особенное, чтобы новая одежда не казалась слишком обыденной.

- Неужели больше ничего другого нет? Хоть что-то чуть посвежее?

Продавец, мельком окинув Юй Цзюцюэ взглядом, подумал про себя: у этого гера действительно отличная внешность, а вслух бодро ответил:

- Есть, конечно!

Через несколько минут он вернулся с ватной курткой насыщенного цвета индиго. Среди серых, коричневых и зеленых вариантов она действительно выделялась.

Цинь Ся взял куртку и прикинул ее на Юй Цзюцюэ:

- Тебе нравится?

Мягкий, пушистый хлопок внутри сразу ощущался под пальцами. Заподозрив, что такая вещь обойдется дороже, Цинь Ся уточнил цену у продавца, но оказалось, что она такая же, как и у остальных.

- Тогда беру эту, — кивнул Юй Цзюцюэ.

Цвет ему действительно понравился больше, чем у других моделей.

После выбора модели и цвета оставалось подобрать размеры. Готовая одежда имела универсальный крой с регулируемой талией, так что обоим удалось подобрать подходящие

варианты. Примерив куртки прямо в магазине, они решили, что подгонка не требуется.

- Эти две возьмем, и еще посмотрим ткань, — сказал Цинь Ся продавцу.

Хотя в прошлой жизни Цинь Ся терпеть не мог ходить по магазинам и предпочитал заказывать все онлайн, сейчас он неожиданно находил в этом процесс удовольствие. Ему даже удалось вовлечь Юй Цзюцюэ в походы по торговым рядам.

Дойдя до секции тканей, они столкнулись с настоящим оживлением. Женщины и геры окружили прилавок, перебирая рулоны тканей. Иногда возникали споры, когда двое хотели одну и ту же вещь, и дело едва не доходило до ругани.

Цинь Ся, высокий и крепкий мужчина, явно выделялся среди покупателей, и при этом старался защитить Юй Цзюцюэ от толчков и давки.

Они быстро определились с покупками: взяли белую тонкую хлопковую ткань для нижнего белья, чуть позже Юй Цзюцюэ собирался научиться шить такие вещи самостоятельно. Еще они выбрали ткань хризантемово-зеленого и коричнево-бурого оттенка для повседневной одежды.

Казалось бы, шопинг подошел к концу, но вдруг взгляд Цинь Ся зацепился за кусок ткани древесно-красного оттенка, который бросил один из покупателей.

Цвет был получен путем окрашивания сандаловым деревом, придающим ткани глубокий красно-оранжевый оттенок. Однако он был крайне капризным: неправильно подобранный цвет мог подчеркнуть недостатки кожи. Гер, который примерял эту ткань, быстро понял, что она делает его смуглую кожу еще темнее, и сразу отказался от нее.

Цинь Ся, напротив, подхватил отложенный рулон и позвал Юй Цзюцюэ:

- Мне кажется, это красиво. Как думаешь?

Юй Цзюцюэ взглянул на яркую ткань, потом на свою старую, серую зимнюю одежду, и решительно покачал головой. Что касается «нравится или нет», ему, конечно, нравилось. Но если говорить о практичности, он считал, что на такую прихоть не стоило тратить деньги.

Однако обмануть такого человека, как Цинь Ся, было просто невозможно. Не говоря ни слова, он схватил отрез ткани и приложил его к подбородку Юй Цзюцюэ.

Стоявший рядом продавец, завидев это, тут же рассыпался в похвалах:

— Ой, вы только посмотрите! Как этот цвет на вас сияет! Под новый год надеть красный наряд — к счастью и процветанию, и новый год будет благополучным!

Целая тирада вызвала у Цинь Ся улыбку, а Юй Цзюцюэ, заметив, что он явно заинтересовался, поспешил возразить:

— Поменьше трат, этот цвет слишком яркий.

— Что же тут яркого? Это называется «радостный»! Не слышал разве, что в новом году красный цвет приносит удачу? Ты только надень, и дела у нашего прилавка сразу пойдут в гору.

Теперь настала очередь Юй Цзюцюэ беспомощно усмехнуться и тихо сказать:

— Ну и что это за выдумки у тебя?

Но чем больше он возражал, тем сильнее Цинь Ся хотел купить.

Юй Цзюцюэ, поняв, что переубедить его не удастся, смиренно стоял в стороне, наблюдая, как продавец, вооружившись длинной линейкой и большими ножницами, аккуратно отмерил нужный размер, отрезал ткань и сложил ее вместе с другими отрезами, которые они только что выбрали.

Но Цинь Ся хотел посмотреть еще, и только крепкая рука Юй Цзюцюэ, потянувшая его за собой, остановила дальнейшие поиски:

— Хватит, нечего больше смотреть. Если еще что-то выберешь, то денег, которые мы взяли с собой, не хватит даже выйти из этого магазина.

Самыми дорогими покупками были две ватные куртки — по семь цяней каждая, и тут уж торговаться было бесполезно. Всего за них пришлось отдать один лян и два цян. Разные отрезы ткани обошлись в еще один лян и пять цяней. Юй Цзюцюэ оказался прав: стоило зайти только в первый магазин, и больше половины от пяти лян уже не стало.

Цинь Ся, которого Юй Цзюцюэ едва не потащил за собой, только улыбнулся и, увидев его удрученное лицо, сказал:

— За год всего два раза новую одежду шьем: летом и зимой. К тому же, такие вещи не на пару дней, купил хороший материал — и два-три года проносишь. Считаю, что это вовсе не дорого. Разве я не прав?

На самом деле, он даже приуменьшил. Хорошо сшитая ватная куртка могла служить гораздо дольше. Если относиться к одежде аккуратно и иногда латать, то было обыденным делом, когда отец носит, а потом сын донашивает.

Юй Цзюцюэ не был скрягой, но заработанные с трудом деньги исчезали слишком быстро, и было жаль смотреть на то, как пухлый кошель опустел. Однако он быстро взял себя в руки и спросил:

— Что дальше будем покупать?

У Цинь Ся уже был план.

— Помимо овощей и мяса, остальное нужно купить сегодня. Сахарные тыквы, новую картинку Цзао-вана, иероглиф «Фу», парные надписи, изображение дверного бога, хлопушки... Ах да, еще нужны свечи, бумажные деньги и благовония для поминовения предков. Купим немного конфет и семечек, которые долго хранятся, — пусть лежат до праздника, будем угощаться.

Обычаи празднования Нового года в эпоху Даюн почти не отличались от привычных нам.

В канун праздника ели праздничный ужин, поминали предков, взрывали хлопушки и бодрствовали до утра. Эти традиции соблюдали все, вне зависимости от того, насколько многочисленной была семья.

Собрать все необходимое к празднику оказалось несложно. Городская улица, украшенная фонарями и гирляндами, пестрела повсюду ярко-красными красками, источая праздничную атмосферу. Изображение Цзао-вана и дверного бога — это деревянные гравюры. Самые дешевые стоили всего несколько вэней, более дорогие, с яркими многоцветными отпечатками, обходились больше чем в десяток цяней.

Новогодние двустишия-чуньянь и иероглифы «Фу» можно было заказать у бедных студентов, что зарабатывали каллиграфией на уличных лавках. Цинь Ся остановился посмотреть на одного из них, но, поглядев, решил, что почерк этого студента ничем не лучше, чем у Юй Цзюцюэ.

Он подошел, купил несколько листов бумаги для двустиший и табличек, аккуратно свернул их и убрал в плетеную корзину за спиной. Юй Цзюцюэ остолбенел.

— Почему не купить уже написанное?

Цинь Ся слегка приподнял бровь.

— У тебя почерк красивый, дома сам напишешь — и денег сэкономим.

Вот теперь он решил экономить!

Но ведь чуньянь и таблички — это же то, что висит на двери, и все проходящие мимо будут

видеть! Юй Цзюцюэ только представил, что его каллиграфия станет предметом обсуждения, и уже готов был сгореть от стыда.

— Мой почерк годится только для всяких мелочей, а это будет позор!

Он и не подозревал, что раньше за каждую его каллиграфию все нижестоящие чиновники наперебой бросились бы проявлять к нему сыновнее почтение, предлагая серебро.

— Какой позор? Ты пиши смело, а если кто скажет что-нибудь плохое, я уж с ним разберусь.

Юй Цзюцюэ спросил, действительно ли Цинь Ся решил, что он сам будет писать. Тот подтвердил, и Юй Цзюцюэ, не найдя другого выхода, сказал:

— Тогда нам нужно еще купить новую кисть.

Дома была только тонкая кисть для мелкой работы, вроде бухгалтерских записей, но для крупных иероглифов она не годилась.

Они свернули в магазин канцтоваров и купили большую кисть.

Юй Цзюцюэ, размахивая кистью, усмехнулся:

— Деньги, которые ты сэкономил, вернулись обратно, да?

Цинь Ся спокойно улыбнулся и ответил:

— Это другое дело.

Что именно было «другим делом», знал, пожалуй, только он сам.

Пройдя еще полчаса, они нашли укромный уголок на улице, защищенный от ветра, и поставили корзины на землю, чтобы немного передохнуть. Неподалеку торговал пожилой продавец тангулу. Цинь Ся вытащил пять монет и купил самую большую связку из плодов боярышника.

— Держи.

Он передал ее Юй Цзюцюэ, который едва не выронил лакомство. Ягоды боярышника были нанизаны так плотно, что шпажка из бамбука начала сгибаться под их весом.

Проходивший мимо мальчишка, увидев сахарные шарики, начал клянчить их у матери, но та раздраженно потянула его за собой, уводя прочь. Однако его глаза все еще завистливо смотрели на красный боярышник в руках Юй Цзюцюэ.

Тот не обратил внимания на происходящее. Он долго рассматривал лакомство, прежде чем наконец откусить первый шарик.

Хруст.

Желтоватая карамельная оболочка треснула, и половина ягоды скользнула между губами и зубами.

— Кисло? — спросил Цинь Ся.

Юй Цзюцюэ, не успевший прожевать, просто покачал головой.

Цинь Ся, наблюдая за тем, как он ест, разговорился с продавцом сахарных шариков.

Он заметил, что старик аккуратно готовит свое лакомство, и, видя его честность, не удержался, чтобы сказать несколько добрых слов.

— Дядя, а вы не пробовали сделать сахарные шарики из маленьких клубней ямса? Продавайте по две-три монеты за палочку — дешевле боярышника, да и вкуснее, — предложил Цинь Ся, оживленно жестикулируя.

Старик посмотрел на него с недоверием.

— Клубни ямса? Да разве из них сделаешь сахарные шарики?

Эта вещь была повседневной и дешевой, из тех, что можно купить горстями всего за одну монету.

Цинь Ся рассмеялся:

— Вы попробуйте, и сами увидите.

Старик, видя его уверенность, задумался. Клубни и правда ничего не стоили, а вдруг и вправду получится?

Засунув руки в рукава и шмыгнув носом, покрасневшим от холода, он пробормотал:

— Ну ладно, попробую. Если получится продать, то в следующий раз, как увижу вас, угощу сахарными шариками бесплатно!

— Тогда я запомню! — с улыбкой ответил Цинь Ся.

Пока старший и младший обменивались мыслями, Юй Цзюцюэ съел уже половину своей порции. Цинь Ся, заметив липкий сахар на губах гера, достал платок и подал ему, одновременно наклоняясь вперед.

— Дай мне попробовать.

Юй Цзюцюэ, подумав, что тот возьмет шарик в руку, протянул ему шпажку. Но Цинь Ся неожиданно наклонился и откусил прямо с нее.

— Смотри, не урони! — забеспокоился Юй Цзюцюэ, подставляя ладонь.

Цинь Ся быстро схватил один шарик, надул щеки и с довольным видом произнес:

— В самом деле сладко.

Оставшиеся четыре шарика они поделили поровну. На прощание Цинь Ся снова обернулся к продавцу:

— Дядя, не забудьте про мои сахарные шарики из ямса!

Юй Цзюцюэ с восхищением смотрел на Цинь Ся. Тот мог за несколько минут разговориться с кем угодно, даже с совершенно незнакомым человеком. В отличие от него, Юй Цзюцюэ избегал людных мест. Городская суэта его скорее раздражала, чем радовала. Но с Цинь Ся все было иначе. С его присутствием даже шумный рынок превращался в веселое и оживленное место.

— Желаем богатства! Желаем богатства! — услышали они вдруг голос с обочины.

Это был попугай, старательно повторяющий слова своего хозяина-продавца птиц. Перед клеткой стояла маленькая чашка с несколькими монетами.

— Хозяин птицы и вправду умеет вести дела, — усмехнулся Цинь Ся и кинул туда монетку.

Праздничные покупки близились к концу. Корзины и плетеные коробки, с которыми они пришли, уже были набиты доверху. Последнюю покупку — коробку с сухофруктами — они привязали к веревке и несли в руках.

Сейчас сухофрукты и сладости покупали для собственного удовольствия и для гостей. Позже, в новогодние дни, начнутся визиты к родственникам и друзьям, и тогда потребуется что-то вроде «коробки ста благ» или «ящика десяти угощений». Такие коробки украшались красной бумагой, специально предназначались для подарков и выглядели очень презентабельно.

Их последняя остановка была у мясной лавки.

В конце года семьи, занимающиеся разведением свиней, обычно забивали поросят, и у мясников никогда не было проблем с продажей мяса. Однако, несмотря на большое предложение, цены росли на глазах.

Когда Цинь Ся и Юй Цзюцюэ добрались до мясной лавки, перед ними стояла женщина, оживленно спорившая с мясником.

— Вчера грудинка с пятислойным жиром была по двадцать три вэнь за цзинь, а сегодня уже двадцать восемь!

Мясник, не поднимая головы, спокойно продолжал резать мясо, ничуть не беспокоясь о клиентах.

— Тетушка, сходите-ка в уездный город, узнайте у мясников, где еще можно найти хорошую грудинка с пятислойным жиром за двадцать пять вэнь. Если найдете, приносите сюда, я вам разницу верну!

Женщина, рассерженно цокнув, продолжила ворчать о необоснованном росте цен, но в итоге все же выбрала подешевле — переднюю свиную ногу — и ушла.

— А, босс Цинь! — сказал мясник, подняв взгляд.

Этот мясник, по фамилии Го, был знаком с Цинь Ся: тот часто покупал у него мясо, а мясник, в свою очередь, не раз заходил за закусками к лавке Цинь Ся. Так они постепенно стали хорошо узнавать друг друга.

Юй Цзюцюэ, стоявший рядом, вежливо поздоровался с мясником, а Цинь Ся, осмотрев прилавок, вздохнул:

— Похоже, мы сегодня немного опоздали.

— Почти Новый год, никто себе ни в чем не отказывает. Обычно к этому времени у меня столько не раскупают, — пояснил мясник Го.

Мяса на прилавке осталось немного, но дорогие и ценные части, вроде вырезки, все еще

лежали на месте.

— Мне вот эту вырезку.

Цинь Ся сразу указал на свиную вырезку — продукт, который не каждая семья могла позволить себе купить. Чистое, нежирное мясо стоило дорого, и чаще всего простые люди выбирали передние ноги с соотношением жира и мяса три к семи или задние части с небольшим количеством жира.

— Ну, вы, повара, умеете разбираться, — сказал мясник, взвешивая кусок.

Кусок был крупным, около трех цзиней, и по цене двадцать пять вэнь за цзинь вышло семьдесят пять вэнь. Для других семей этого мяса хватило бы на четыре-пять трапез, а если экономить — и на больше. Но Цинь Ся уже знал, как потратит весь кусок за один ужин.

Жить с большим любителем поесть было и благом, и вызовом. Траты на еду были значительными, но, с другой стороны, это давало Цинь Ся простор для экспериментов в кулинарии. Он мог готовить много блюд, не опасаясь, что еда останется нетронутой.

Когда они вернулись домой, едва подошли к двери, как изнутри послышался взволнованный крик их питомца Дафу.

— Уи-уи!

Открыв дверь, они увидели, как он, размахивая крыльями, выбежал навстречу.

Теперь, когда Дафу подрос, он стал менее чувствителен к холоду. Пока хозяев не было дома, его уже не запирали в клетке, а оставляли в дровянике с приоткрытой дверью. Если становилось холодно, он мог вернуться внутрь, а если скучно — выйти погулять по двору.

Юй Цзюцюэ даже завязал на шее Дафу красочную ленту в виде узла в форме цветка сливы. Теперь птица выглядела чрезвычайно гордо, поднимая голову и поворачивая шею.

Погладив Дафу, они разложили покупки: продукты, ткань, сладости. Отдельно отложили изображение бога очага и сахарные фигурки, которые собирались использовать для вечернего жертвоприношения.

— Дафу, иди сюда! — позвал Цинь Ся, доставая с кухни несколько листьев свежей зелени.

Сегодня на обед он решил приготовить свинину Юйсянь и хрустящую обжаренную свиную вырезку. Пока он мыл овощи, то отложил несколько листьев для Дафу и передал их Юй Цзюцюэ, попросив покормить гуся.

Обычно, услышав свое имя, Дафу тут же начинал радостно гоготать и мчался на зов. Но сегодня, несмотря на несколько попыток, Юй Цзюцюэ так и не дождался его. Гусь буквально пару минут назад вертелся у них под ногами, а теперь словно исчез.

— Дафу? — Юй Цзюцюэ почувствовал беспокойство. Он поставил миску в сторону и отправился искать пропажу, начиная с переднего двора и направляясь в задний.

— Зову тебя полдня, а ты здесь прохлаждаешься! — воскликнул он, когда наконец нашел Дафу в заднем дворе. Гусь стоял, задрал голову, как будто увлеченно наблюдая за чем-то.

Сначала Юй Цзюцюэ подумал, что Дафу просто играет с курицами, обитающими во дворе. Но, собираясь уходить, он вдруг услышал тихое, едва уловимое мяуканье.

— Где здесь кот? — пробормотал он, напряженно оглядываясь.

Следуя за взглядом Дафу, Юй Цзюцюэ заметил в сухих зарослях на стене трехцветную кошку. Их глаза встретились, и кошка тут же вскочила и скрылась.

Вернувшись в кухню, Юй Цзюцюэ покормил Дафу и поделился находкой с Цинь Ся:

— Я, наверное, ее напугал. Хотел было ей что-то дать, но не успел. Ее живот, кажется, слегка округлен. Не иначе котят носит?

Цинь Ся, который питал слабость к животным, сразу загорелся идеей:

— Надо положить что-нибудь поесть на стене. Если кошка умная, может, вернется.

В древние времена кошек часто заводили для ловли мышей, хотя определить, была ли та или иная кошка домашней или дикой, было сложно. Но люди не скупались, увидев животное: подбросить немного еды считалось добрым делом.

Цинь Ся взял немного нарезанного мяса, чтобы сварить его и смешать с рисом. Оставшуюся часть он разделил на две порции: одну нарезал тонкими полосками для свинины Юйсянь, а вторую порезал длинными кусками для обжаривания. Эти куски он отправил мариноваться.

Пока мясо мариновалось, Цинь Ся принялся за подготовку остальных ингредиентов для свинины Юйсянь.

* Конфеты Тан-гуа 糖

Тангулу из китайского ямса 糖 薯

Свинина Юйсянь 猪肉

<http://bllate.org/book/13601/1206034>